

А.В. Репневский

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
НОРВЕЖСКОГО КОНСУЛЬСТВА
В АРХАНГЕЛЬСКЕ 1920–1930-х годов***

Тема повседневности популярна в западной исторической науке, но, пожалуй, еще не совсем освоена российскими учеными. Между тем она очень важна уже потому, что жизнь и общественный прогресс состоят не только из героических подвигов, войн и революций, но и прежде всего из обыденного, повседневного труда и быта людей.

В нашем случае речь не идет о типичном труде или жизненных перипетиях масс. Дипломат — не массовая профессия, но посольские и консульские работники составляют многочисленную часть дипломатического корпуса. Значимость повседневной деятельности этого типа работников по определению высока, как в информировании своих правительств о реальной ситуации в зонах их ответственности, так и в политической, в нашем случае торгово-экономической, сфере. О повседневности этих рабочих винтиков любой дипломатических машины той или иной страны обычная публика знает очень мало.

Повседневная деятельность норвежского консульства в Архангельске, предстающая перед нами в документах Государственного архива Архангельской области¹, дает возможность подробно познакомиться хотя и с далекой от Москвы и Ленинграда, но экономически исключительно важной как для СССР, так и для Норвегии деловой жизнью работников консуль-

---

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ и Правительства Архангельской области (проект № 15-17-29001а).

ства на берегах реки Северной Двины. Напомню, что в 30-е годы XX в. Архангельск не без оснований называли «валютным цехом» СССР. Отсюда по всему миру Советская страна торговала т.н. «зеленым золотом» — лесными товарами. И расходился этот ценный экспортный товар по всему миру посредством Лондонской лесной биржи. Для погрузки и перевозки леса Советский Союз фрахтовал в основном норвежские, шведские и английские суда. Контролировало процесс лесоперевозок этих стран с Белого моря норвежское консульство, расположенное в Архангельске.

Главная забота консула — обеспечение экономических и политических интересов своего государства, защита его граждан или подданных, а также информирование своего министерства иностранных дел о работе портов Белого моря и развитии политической, экономической и социальной ситуации в зоне своей ответственности. В случае с норвежскими консулами советского времени надо дополнить, что обычно они представляли и защищали в Архангельске и области не только интересы своего королевства, но и шведские и часто британские интересы.

Начнем с места обитания и перечня обитателей двухэтажного деревянного консульского дома, располагавшегося в межвоенное время по улице Пролеткульта, д. № 8 (рис. 1). Во дворе был флигель. (Ныне это перекресток ул. Попова и Троицкого пр. Дом не сохранился.)

Рис. 1. Здание норвежского консульства

Этот дом был спроектирован и построен в конце XIX в. Адольфом Виклюндом, выходцем из Норвегии, ведшем в Архангельске торговые дела. Адольф Виклюнд — отец одного из консулов советского времени Арнольда Виклюнда. Арнольд Виклюнд и родился в Архангельске в 1886 г., в 1911 г. там же женился на русской девушке Вере Ароновой. В этом браке у них родилась дочь Людмила².

Дом Виклюндов был и жильем, и местом службы. До 1905 г. это было шведско-норвежское консульство. Здание просуществовало до 1960-х годов, когда было снесено по причине ветхости. В истории этого здания есть и еще один славный исторический период. В 1941–1945 гг. в нем по соглашению с правительствами Норвегии и СССР располагались союзные британская и американская военные миссии в Архангельске. 9 мая 1945 г. оно было празднично расцвечено флагами стран-победительниц (рис. 2).

Рис. 2. 9 мая 1945 г. Здание союзных миссий в Архангельске

Последовательно консулами в Архангельске с 1919 по 1940 г. были:
 Анвик Эйнар (Anvik) — 1919–1921 гг.³
 Анвик Эйнар — 1924 — 30 янв. 1930 г.
 Болстад Мартин (Bolstad) — 1930–1935 гг.
 Виклюнд Арнольд Адольфович (Viklund) — 1936 — 11 мая 1938 г.
 Коллин Георг Фредерик Кристен (Kollin) — 1939–1940 г.

Двое из них (Э. Анвик и А. Виклюнд) знали Архангельск с дореволюционных времен, хорошо представляли его экономические возможности, лесозаводы, причалы, имели тесные дружеские и родственные связи с социальной верхушкой дореволюционной поры. Арнольд Виклюнд, оставаясь норвежским подданным, не только прожил в Архангельске с рождения по весну 1938 г., но и имел большой опыт работы в консульстве — с 1925 г. при Эйнаре Анвике работал его секретарем, потом вице-консулом и, наконец, консулом.

В распоряжении консульства и его работников имелись не только помещения, но и личная движимая собственность. Эйнар Анвик с июля 1925 г. и до ноября 1929 г. располагал моторной лодкой. Паровой катер имелся и у Арнольда Виклюнда. Для посещения судов в акватории Архангельского порта эти средства передвижения были жизненно необходимы. У консульства имелся и автомобиль.

Кроме того, в числе дипломатических работников с норвежским гражданством были еще секретари, действовавшие под руководством консулов и замещавшие их на время отъездов.

Конкретную информацию о составе консульства и представителях тех стран, интересы которых оно официально защищало, можно почерпнуть из таких, например, документов, как просьбы консулов выдавать отдельным лицам для личных нужд беспошлинно продукты с проходящих норвежских кораблей. Такие просьбы поступали и удовлетворялись в 1930–1931 гг., когда в Архангельске сложилась тяжелая продовольственная ситуация⁴. Правда, в 1931 г. иностранцы уже могли снабжаться в открытом в Архангельске отделении Торгсина⁵.

Находим, например, что к началу навигации 1930 г. в составе консульства были два человека: консул М. Больстад и секретарь А. Виклюнд. Больстад имел одного человека в прислуге, Виклюнд имел в услужении двух работников. Больстад в Архангельске был без семьи, а с Виклюндом проживала семья из четырех человек (жена и две дочери). Дом обслуживал советский гражданин А.П. Ермолин с семьей из шести человек. В отсутствие консульских работников в зимние месяцы он исполнял обязанности сторожа и истопника. Кроме того, консул М. Больстад просил обеспечивать беспошлинно продуктами норвежского подданного представителя судовладельцев господина Л.Ф. Геста и двух британских подданных — представителя банков господина Ятиса и господина Морриса (с еще одним не названным в тексте прошения лицом). Последние двое прибыли в Архангельск по делам «установки памятников английским воинам»⁶. Предыдущий кон-

сул Э. Анвик, покончивший жизнь самоубийством 30 января 1930 г., как и А. Вилкюнд, жил в Архангельске с семьей: женой Валентиной, сыном Данном и дочерью Атлой⁷. После смерти главы семьи остальные ее члены выехали в Норвегию.

Географическая сфера ответственности консульства: Архангельская губерния (до 1929 г.)⁸, Северный край (1929–1936 гг.), Северная область (1936–1937 гг.), Архангельская область (с 23 сентября 1937 г.). За эти годы подконтрольная территория консульства то разрасталась, то сокращалась в пределах от 450,8 тыс. кв. км до 1122,6 тыс. кв. км и обратно. Однако на практике для консульства мало что менялось. Для консулов центром внимания всегда оставались порты в устьях рек Белого моря и отчасти реки Печоры. Во вновь образованной Мурманской губернии отдельного консульства не было, а потому Норвежское консульство в Архангельске до самого конца своей деятельности продолжало курировать и Кольский полуостров. Другое ближайшее консульство этой страны находилось в Ленинграде.

Главное контактное лицо консулов в Архангельске межвоенного времени, с которым они имели постоянную переписку и личные встречи — агент (представитель) НКВД в Архангельске. Из документов архива следует, что наиболее продолжительное время (в период самой успешной торговой деятельности СССР и Норвежского королевства) эту должность занимал Петр Степанович Пузырев⁹, работавший быстро и ответственно. Уроженец Черевковского района Архангельской губернии, выходец из крестьянской семьи, 1894 г.р., ко второй половине тридцатых годов он был относительно молод — чуть за сорок. Имел большую семью — жена и четверо детей. Занимал ответственный пост секретаря Архгубисполкома и на общественных началах исполнял достаточно хлопотные и ответственные обязанности агента НКВД.

Судьба его трагична. Известный исследователь Архангельского Севера Е.И. Овсянкин писал, что в деле о шпионаже, якобы организованном консулами М. Больстадом и Э. Вилкюндом, НКВД отводило П.С. Пузыреву «одно из главных мест». Он был обвинен в том, что с 1934 г. передавал шпионские сведения в норвежское консульство и получал за это большие суммы денег¹⁰. 2 февраля 1938 г. в специальной краткой официальной записке на имя консула сообщалось, что «Пузырев, работавший в Областном Исполнительном Комитете, арестован органами НКВД 5 ноября 1937 года, как шпион»¹¹. На это имя просили впредь документов не посылать. Известно, что 10 мая 1938 г. Петра Степановича расстреляли. Восемь лет лагерей

как член семьи изменника Родины получила и его 36-летняя жена Мария Васильевна.

Зимой, когда работы было немного, работники консульства и члены их семей уезжали на родину в отпуск. Ежегодно это происходило в конце ноября или начале декабря. Отъезд обязательно сопровождался официальным уведомлением. Приведем стандартный текст такого документа от 5 ноября 1938 г., предпоследнего года фактической деятельности консульства:

Consulat de Norvege

Архангельск, 5 ноября 1938 г.

В Архангельский областной исполком. Председателю Жидилягину.

Здесь

Настоящим имею честь довести до Вашего сведения, что вследствие закрытия навигации в этом году Консульство будет закрыто с 8-го с.м. и нижеподписавшиеся Норвежский Консул и секретарь консульства, г-н Эльгер уезжают в Норвегию. Консульство будет закрыто до открытия навигации 1939 года. Во время нашего отсутствия служащий Консульства, г-н Ермолин, А.В., будет присматривать за домом как сторож...

(Далее следовали печать и подписи консула и секретаря.)¹²

С приближением открытия навигации — в марте-апреле, иногда в самом начале мая — консульские работники возвращались в город на Северной Двине. И также официально информировали об этом Архангельские власти. Это же делалось и в случае назначения нового консула.

Consulat de Norvege

Архангельск, 17 мая 1930 г.

Господину Председателю Северного Краевого Исполнительного Комитета

г. Архангельск

Настоящим имею честь сообщить Вам, что, будучи назначен своим Правительством Норвежским Консулом в г. Архангельске, я прибыл сюда 16-го с/м. и прошу Вас не отказать в любезности указать, когда Вы могли бы принять меня для личного представления...

Попись: М. Больстад¹³

Навигация начиналась с середины — второй половины мая и с ней — горячие месяцы активной работы.

За сезон порты Белого моря, особенно Архангельский морской порт, в те годы посещало несколько сот иностранных пароходов, зафрахтованных для перевозки в Европу и Америку лесных грузов. В максимально напряженные годы с мая по ноябрь в порты Архангельского Севера приходило свыше 800 судов разного тоннажа, из которых более 200 оказывались под норвежским флагом. Как уже было сказано, норвежские консулы контролировали еще и приход шведских и британских судов. Получалось, что под их юрисдикцией находилось более половины всех иностранных кораблей, грузившихся в портах Белого моря и на Печоре. Совокупно команды этих судов насчитывали несколько тысяч человек.

Как правило, в начале мая консул направлял стандартные и традиционно повторявшиеся запросы по адресу пр. Павлина Виноградова, д. 57¹⁴, где в здании Северного краевого исполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов располагался офис агента НКВД. К числу таких стандартных запросов отнесем просьбу о регулярном информировании консульства на предмет прихода и отхода в беломорские гавани судов ряда европейских государств.

Приведем типовой образец такого ежегодного запроса:

Consulat de Norvege

От 7 мая 1936 года

*Господину Дипломатическому Агенту Народного Комиссариата
по Иностранным делам*

Здесь

Ввиду предстоящего открытия навигации, настоящим имею честь просить Вас, по примеру прошлых лет, присылать Консульству, по возможности не реже одного раза в шестидневку, сведения о всех прибывающих в Архангельский порт норвежских и шведских судах, а именно:

О приходе судов:

Число пароходов, название судна, его национальность и вместимость в нетто-регистрационных тоннах.

Об отходе судов:

Число отхода, название судна и его национальность.

(Далее шла подпись консула.)¹⁵

Большая часть сохранившейся в архиве переписки дипломатического агента НКВД в Архангельске как раз и заполнена копиями такого рода подробной информации о прибытии, тоннаже, загрузке и убытии норвежских,

шведских и английских кораблей. Это многие сотни листов с понедельным перечнем судов, подготовленные для передачи консульству. А поскольку составлять отдельную сводку по торговым судам только Норвегии и Швеции портовым властям не было резона, то норвежцы несколько лет имели полную картину захода судов в беломорские порты под всеми флагами мира. Только с середины 1930-х годов дипагент НКИД, через которого шли эти справки, стал вычеркивать излишние сведения. Норвежцам передавались перепечатанные списки судов только тех стран, интересы которых они официально защищали. Но в Государственном архиве Архангельской области (ГААО) в делах агента НКИД остались полные списки. Это позволяет исследователям наших дней обоснованно судить о месте норвежского фрахта в портах Белого моря в межвоенный период. Приведем в качестве примера данные, представленные норвежскому консульству за навигацию 1935 г.

Только **Архангельский порт** в этом году посетили 677 судов под флагами двенадцати стран, включая 46 советских, 166 судов были норвежскими. Общий нетто-регистрационный тоннаж их составил 232 732 т. Следующей по числу судов была Дания: 88 раз флаг этой страны реял на рейде Северной Двины. Но по тоннажу прибывших кораблей на втором месте была Великобритания: 83 судна под флагом этого государства имели совокупно 169 274 нетто-регистрационные тонны. Как видим, количество «норвежцев» значительно преобладало и по флагам, и по тоннажу. А если иметь в виду, что консульство Норвегии в Архангельске обеспечивало и интересы Швеции (71 прибывшее судно), то становится ясно, что дел у консульства было много.

Онежский порт принял в 1935 г. 109 торговых кораблей восьми стран, 31 из них был под норвежским флагом, 22 — под шведским и 9 — под британским. Всех их курировало норвежское консульство.

Мезенский порт. К берегам реки Мезени прибыли за лесом 72 судна. Из них подопечных консульства 34 (25 — из Норвегии и 9 — из Швеции). Это почти половина всех пришедших лесовозов, причем суммарный тоннаж их в три раза превышал тоннаж судов всех остальных стран.

Печорский порт. Все 14 «торговцев», посетивших порт, были из Норвегии¹⁶.

Таким образом, мы видим, что из 872 торговых судов, посетивших подконтрольные консульству порты Беломорья, 236 оказались норвежскими, 102 — шведскими и 92 — британскими. Похожее распределение судов по флагам и портам было и в 1933 г. и после — в 1936 г. Очевидно, что в на-

вигационный период забот у норвежского консула и его секретаря (вице-консула) было очень много.

Подопечных кораблей были сотни, а моряков на них — многие тысячи. Иногда у них оказывались не в порядке таможенные документы, например случалось, что капитаны предоставляли таможенникам неполные или неточные списки команд, допускали ошибки в спецификации и количестве грузов. Консульские работники занимались устранением этих «недоразумений». Моряки, бывало, заболели и потому отставали от своих судов. Консульство заботилось об их отправке на родину после выздоровления.

При таможенном досмотре обнаруживался ввоз или вывоз незадекларированных или запрещенных к ввозу предметов. Например, фотоаппараты подлежали обязательному декларированию при въезде в СССР, а это на практике не всегда делалось иностранцами. При погрузке леса бывали несчастные случаи с тяжелыми травмами и даже со смертельными исходами. Случались драки между командами иностранных кораблей или между иностранными моряками и местными жителями. Имели место кражи имущества и документов у зазевавшихся или подвыпивших норвежских моряков. Органы власти СССР обязаны были информировать консула о ходе исследований, в результате чего каждый раз возникала обширная переписка. Тексты этих документов показывают, что консулы выступали как сторона, защищающая права своих сограждан, фирм и государств.

К наиболее серьезным происшествиям следует отнести аварии судов в результате неисправностей или столкновений. В этих случаях всегда создавались специальные комиссии по расследованию инцидентов, часто дело доходило до длительных судебных разбирательств, в которых участвовало консульство. От имени норвежского государства консулы выступали гарантами исполнения признанных справедливыми судебных решений и штрафных санкций.

Консулы были озабочены тем, чтобы навигация прошла без аварий и тем более крушений судов. Чем лучше консулы справлялись с предварительной подготовительной работой, тем меньше было происшествий в саму навигацию. К сбору такого рода необходимой информации относилась большая доля разного рода запросов. Для обеспечения безопасности плавания они ежегодно заранее запрашивали и получали информацию о датах начала навигации по Архангельску, Онеге, Мезени, Печере¹⁷.

Консульство стремилось также получить полные и точные сведения о предельной допустимой осадке судов в устье Северной Двины¹⁸, исправности маяков и других навигационных средств по маршруту следования су-

дов Белым морем. Так, с сентября 1931 г. по август 1934 г. между консулом А. Виклюндом и агентом НКВД в Архангельске шла переписка о ненадлежащем состоянии противотуманной сигнализации Терско-Орловского маяка (в этом месте узкий морской проход с сильным и быстроменяющимся течением, пароходы часто насакивали здесь на мель)¹⁹. Консул указывал на то, что в 1934 г. из-за неработающей там сигнализации норвежский пароход «Сайма» получил пробоины и вынужден был вернуться в порт г. Вардэ, чтобы произвести ремонт повреждений²⁰.

Ежегодно обычно в конце ноября следовал запрос о праздничных днях, которые будут иметь место в СССР в следующем году. Так, 29 ноября 1929 г. консул Эйнар Анвик просил уполномоченного НКВД дать информацию о праздничных днях на 1930 г. В этом документе консул пояснял, что «сведения требуются для составления международного календаря праздничных дней» и «необходимы для руководства прибывающим сюда иностранным судам»²¹. Такого рода запросы встречаем и в материалах архива 1935, 1936 гг.²² Запросы удовлетворялись быстро. Ответы бывали любопытными по своим формуировкам. Они дают представление о советских официальных праздниках и нерабочих днях. 8 декабря 1929 г. консулу ответили, что в 1930 г. нерабочими днями в СССР установлены:

«День памяти Ленина — 22 января,
Интернационал — 1 и 2 мая,
Октябрьская Революция — 7 и 8 ноября»²³.

Время от времени в советских законах о труде и количестве праздничных дней и выходных происходили изменения, поэтому такого рода информация запрашивалась и поставлялась регулярно. Так, циркуляр от 11 декабря 1933 г. Всесоюзного объединения по фрахтованию иностранных судов «Совфрахт» информировал не только о «перечне праздников и дней отдыха» на предстоящий 1934 г., но и напоминал дополнительно, что «в 1934 году в портах СССР сохраняется семидневная прерывная неделя с днем отдыха в воскресенье и 8 праздничных дней». Кроме того, в циркуляре перечислялись т.н. «особые дни отдыха», различные по датам почти для каждого порта СССР. Так, для Архангельска, Мезени и Печоры «особыми днями отдыха» на 1934 г. определялись 19 и 23 февраля, 6 июля, 6 августа, 2 сентября и 14 октября. Карельские порты — Сорока, Кемь, Ковда, Кереть, Умба — имели иное расписание таких выходных — 23 февраля, 13 апреля, 6 июня, 25 июля, 1 и 6 октября. Ленинград и Мурманск тоже имели расписание особых выходных²⁴. Консулы обязаны были своевременно доставить такую информацию в правительственные органы Норвегии и за-

интересованным фирмам в своих странах. Эти данные необходимо было учитывать судовладельцам, чтобы составить график передвижения торговых судов и избежать дорогостоящих простоев в портах.

Консулы также регулярно запрашивали и получали важную информацию об эпидемиологической обстановке в портах Русского Севера. Таковая относилась к категории «не подлежащей оглашению», но международные соглашения о мореходстве предусматривали обязательный обмен эпидемиологическими данными в портах посещения²⁵.

Если корабли задерживались под погрузкой и прибывали в порт назначения не по утвержденному графику, а шкиперы при этом ссылались на плохую погоду, то владельцы судов для проверки правдивости показаний шкиперов запрашивали консула о реальной погоде в акватории или порту (дождях, штормах, течениях и прочих чрезвычайных обстоятельствах) в указанные числа. Консул, соответственно, запрашивал эту информацию у компетентных советских органов и пересылал ее заинтересованным лицам.

Консулы должны были контролировать исполнение буквы и духа советско-норвежских политических и торговых соглашений, что было в интересах обеих сторон. Так, в июне 1936 г. консул А. Виклюнд пожаловался советским властям, что представителю норвежских судовладельцев господину Сальверсену чиновниками «Экспортлеса» было отказано в прямом деловом общении с ними. Сальверсену было заявлено, что все переговоры с ними о закупках леса и фрахтовании судов должны вестись только через агента НКВД. Консул считал, что такой подход является препятствием для развития мореплавания, что противоречит 24-й статье договора СССР и Норвегии о торговле и мореплавании от 15 октября 1925 г. Он указал на то место в тексте договора, где говорилось, что представители торговых организаций обеих стран имеют право «свободного вступления в сношения с экспортерами, импортерами, фрахтовщиками» и что им должен быть обеспечен «режим наибольшего благоприятствования»²⁶. В результате господину Сальверсену была предоставлена возможность прямых переговоров по интересующим стороны торговым вопросам.

Передавались норвежской стороне и необходимые для дела документы такого рода, как «Свод действующих обычаев Архангельского торгового порта»²⁷. Очередной такой документ был издан в 1936 г. в Ленинграде на русском и английском языках специально для использования иностранцами. Веклюнд сразу запросил эту брошюру в пяти экземплярах. Он должен был знать не только законодательство своей страны и страны пребывания,

но и таможенные правила, торговые нормы и обычаи этих государств, разбираться в качестве экспортных и импортных товаров.

К ноябрю каждого года активность летнего навигационного периода падала до нуля по естественным причинам. Реки Архангельского Севера, а потом и Белое море покрывались льдом. В конце года или в самом начале следующего года консульством подводились итоги работы очередного завершившегося этапа работ. При этом иногда случались разночтения в подсчетах суммарного числа и тоннажа прибывавших в порты Северного края, а позже в Архангельскую область норвежских судов. Так, 29 апреля 1936 г. норвежский консул А. Виклюнд просил уточнить 161 или 166 судов под флагом его страны и, соответственно, 188,711 или 232,736 нетто-регистрационных тонн посетило рейды Северного края в 1935 г.²⁸ По этому поводу состоялась уточняющая переписка с дипломатическим агентом НКВД в Архангельске П.С. Пузыревым. Тот, в свою очередь, оперативно потребовал уточнить данные у надзирателя по регистрации иностранных судов и, получив таковые, составил 16 мая официальный ответ А. Виклюнду с пояснениями о причинах обоюдных ошибок. Норвежских судов, посетивших порт в 1935 г., оказалось 164 суммарной вместимостью 191,174 нетто-регистрационных тонн²⁹. Посредством такого рода внешне рутинной, но важной деятельности устанавливалась истина, необходимая для контроля, точной статистики и дальнейшего развития торговых связей.

После спешного отъезда из Архангельска 12 мая 1938 г. консула Виклюнда, заподозренного в шпионаже, на смену ему прибыл новый и последний в предвоенное время дипломатический представитель — Георг Колин. Это произошло 24 мая 1938 г. Но в канун войны объем экспортной работы портов Архангельской области резко упал. Осенью 1939 г. в связи с начавшейся советско-финской войной Белое море и вовсе было объявлено закрытой зоной, а 9 апреля 1940 г. началась агрессия фашистской Германии против Норвегии и Дании. В связи с этим деятельность норвежского консульства в Архангельске прекратилась де-факто.

Обыватель обычно знаком только с одной стороной работы современных консульств — оформлением и выдачей виз. Собственно оформление документов для въезда или выезда граждан для консульства в Архангельске 1920–1930-х годов было редким явлением. Знакомство с документами, описывающими повседневную деловую жизнь консульства, показывает, что главным в его работе была совсем другая — экономическая сторона.

В заграничном дипкорпусе СССР для этого были специальные органы — «торговые представительства» или «торгпредства». Они на деле

осуществляли советский принцип государственной монополии внешней торговли. У иностранных государств таких органов, да и всеобъемлющей государственной монополии внешней торговли не было, поэтому экономическую деятельность по межгосударственным и частным соглашениям приходилось регулировать через консульства.

Конкретные документы, хранящиеся в ГААО, позволяют здраво оценить, с одной стороны, бумажную обыденность, а с другой стороны, высокую ответственность службы дипломатов низового звена. Может быть, некоторых молодых романтиков реальная жизнь дипломатической службы и разочарует. Может быть, их испугает необходимость глубоко познать не только язык и общую культуру страны пребывания, но и ее законодательство, экономику, транспортные возможности, терминологию и цены экспорта-импорта, таможенные правила, а также многое другое. Но дело автора статьи — раскрыть реалии прошлого и настоящего в деятельности дипломатов.

* * *

¹ Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Фонд № 5863 «Управление уполномоченного и дипломатические агентства Наркомата иностранных дел СССР при Архгубисполкоме, Севкрайисполкоме, Севоблисполкоме и Архоблисполкоме». Состоит из 26 дел и касается исторического периода 1921–1942 г. Основной массив документов относится к 1927–1938 гг. По подсчетам автора статьи, фонд насчитывает около 3000 листов.

² *Овсянкин Е.И.* Архангельск купеческий. Архангельск, 2000. С. 201. См. также: *Шумилов Н.А.* Архангельский родословец. Генеалогический справочник. Архангельск, 2009. С. 332.

³ До 1924 г. в деятельности консульства был перерыв, связанный с временным прекращением дипломатических отношений между Норвегией и Советской Россией.

⁴ ГААО. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 10. Л. 89; Д. 12. Л. 2, 59–60.

⁵ ГААО. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 12. Л. 65. Торгсин — сокращенное название Всеобщего объединения торговли с иностранцами, или торговый синдикат. Создан в начале 1931 г. Просуществовал до конца 1936 г. Сеть специализированных магазинов, торговавших дефицитными товарами за валюту, драгоценности, золотые и серебряные монеты. С осени 1931 г. Торгсин стал обслуживать и граждан СССР. В Архангельске было сразу же открыто отделение Торгсина. Магазин располагался в центре города на перекрестке современных ул. Поморской и Троицкого проспекта в новом здании. Ныне это старое здание гостиницы «Двина».

⁶ ГААО. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 10. Л. 89; Д. 12. Л. 2–4, 6–7.

⁷ ГААО. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 3. Л. 20.

⁸ В 1921 г. Кольский полуостров, или Александровский уезд Архангельской губернии, был выделен в отдельную Мурманскую губернию, а лежащий к югу от него Кемский уезд Беломорья вошел в состав Карельской трудовой коммуны. Одновременно часть юго-восточных территорий Архангельской губернии отошла к Коми автономной области.

⁹ Имя и фамилия П.С. Пузырева появляются в документах лишь однажды в одном из писем консула М. Большада от 25 октября 1934 г. по щекотливому судебному делу об обстоятельствах ареста в Архангельске норвежского парохода «Кристин Бэрс». В сотнях других документов мы находим только фамилию агента НКВД или его заместителя.

¹⁰ *Овсянкин Е.* Дело норвежского консула Виклюнда. <<http://oldar.ru/component/content/article/82-istoriya/102-delo-norvezhskogo-konsula-viklyunda>>.

¹¹ ГААО. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 23. Л. 12.

¹² Там же. Л. 27.

¹³ ГААО. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

¹⁴ В 1993 г. проспекту было возвращено название царского времени: Троицкий проспект.

¹⁵ ГААО. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 20. Л. 87.

¹⁶ Там же. Л. 164.

¹⁷ Там же. Л. 112.

¹⁸ Там же. Л. 110.

¹⁹ ГААО. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 16. Л. 151–153.

²⁰ Там же. Л. 153.

²¹ ГААО. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 10. Л. 20.

²² ГААО. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 20. Л. 257.

²³ ГААО. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.

²⁴ ГААО. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 16. Л. 31.

²⁵ ГААО. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 10. Л. 138–142.

²⁶ ГААО. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 20. Л. 115–116.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 82.

²⁹ Там же. Л. 92.